Долгий век Тамары Якушевой

Дата. Жительница блокадного Ленинграда 15 февраля отметит столетний юбилей, около двадцати лет она живёт в Кыштыме

ЕЛЕНА **ВЕРИНА**

Наверное, у каждого человека самые светлые и беззаботные воспоминания связаны с юностью. Задушевные друзья и чудесные рассветы, первая любовь и бесконечные прогулки под луной, танцы до упаду и смех без причины...

Когда звучит воздушная тревога

Тамаре Петровне Якушевой 15 февраля исполнится 100 лет. Память у неё на удивление ясная. В ней хранятся совсем другие события из далёкой молодости: первая воздушная тревога в Ленинграде, прямое попадание в двухэтажный дом, пропитанные гноем и кровью бинты, неутолимый блокадный голод.

Родители Тамары Петровны развелись, когда дочка была ещё совсем ребёнком. Она осталась жить с мамой в небольшом селе на Алтае, здесь окончила семь классов и отправилась к отцу в Ленинград, чтобы выучиться на медика в фельдшерско-акушерской школе. Когда в сентябре 1941 года немцы подошли к городу на Неве, Тамаре исполнилось 16 лет, за плечами у неё был первый курс училища. Девушка жила в комнате коммунальной квартиры вместе с папой и мачехой. Дети отца от второго брака – еще маленькие сводные братья Тамары – к счастью, не вернулись с каникул от бабушки, жившей в окрестностях Орла. Это, скорее всего, их и спасло.

В первые же дни блокады отца Тамары призвали в армию – защищать город с оружием в руках. Там, на подступах к Ленинграду, он и погиб зимой 1943 года. Его дочь тоже влилась в ряды обороны, только противовоздушной. Вместе с друзьями она дежурила на чердаке своего дома, чтобы уберечь его от пожара. Рассказывает, что поначалу враг сбрасывал на жилые районы по большей части маленькие зажигательные бомбы. Дежурные должны были с помощью специальных не воспламеняющихся варежек и некоего подобия колпака убрать такую бомбу с крыши.

– Звучит воздушная тревога, все бросаются в подвал, который заменяет бомбоубежище, а мы с подругой, обе маленькие, худенькие, наоборот, мчимся наверх. Снаряд падает во двор, туда, куда выходят окна лестничного пролета, – рассказывает Тамара Петровна. – Стекла врассыпную, что-то летит прямо в нас, мы падаем на пол, обхватив головы руками. Потом наступает тишина (налёты в первое время не длились долго, фашисты быстренько отбомбятся и тут же улетают), мы поднимаемся и слышим какой-то крик прямо рядом с домом. Оказывается, осколком ранило в живот женщину-управдома. Она такая крупная была, блокада еще не успела превратить горожан в призраков, мы её еле затащили в квартиру, нашли какие-то простыни и перевязали. После каждого налёта по Ленинграду ездили специальные машины и собирали раненных. Я поехала в больницу вместе с нашей пострадавшей.

Постираю бинты – и посплю

Прошло несколько месяцев – и в осаждённом городе отказались от использования подвалов в качестве защитных сооружений. В результате прямого попадания несколько домов сложились как картонные коробки, и люди оказались погребенными под завалами. Разбирать их было уже некому. Силы покидали измождённых голодом ленинградцев. Появилось новое распоряжение: рыть траншеи на улицах и прятаться от осколков в них. Это простое решение доказало свою надежность и разумность, ведь угрозу для тех, кто скрывался во рвах, представляли только угодившие туда снаряды. Они же, как правило, избирали своей целью здания, а не свободные пространства.

Страшнее бомбёжек становился голод. В каждой семье к осени 1941 года имелись небольшие запасы, и поначалу они очень сильно выручали блокадников. Тамара Петровна говорит, что мачеха успела запастись несколькими килограммами чечевицы. Она работала вагоновожатой и вместе с падчерицей ездила на трамвае на окраину города, где на полях оставались листья и недозревшие кочаны капусты. Засолили всё, что сумели собрать. Это ведёрко да чечевица помогли продержаться до января. Дальше ни взрослая женщина, ни совсем юная девушка старались не заглядывать. Когда перестали ходить трамвая, оставшаяся без работы мачеха решила выбираться из Ленинграда к детям и родителям на Орловщину. Много позже Тамара узнает, что поезд, на котором ехала жена отца, попал под обстрел, женщина была ранена и впала в беспамятство, только в 1944 году она пришла в себя и приступила к розыску родных.

После её отъезда Тамара осталась совсем одна. Даже соседи по коммунальной квартире разбрелись, кто куда, особенно после того, как снаряд угодил в одну из комнат. Дверь в эту комнату заколотили, но из развороченной стены по полу тянуло отчаянным холодом. В тяжёлые минуты (а были ли другие?), когда дом сотрясался от взрывов, девушка прижималась к едва тёплой печке, закрывала глаза и думала: «Будь что будет». Впрочем, сидеть у печи её доводилось редко. Она работала санитаркой в той самой городской больнице, куда доставила свою первую раненую женщину-управдома. Там раз в день сотрудников подкармливали жиденьким супчиком, но он был настоящим спасением для исхудавших людей. Трудиться приходилось сутками, а, возвращаясь домой, Тамара занималась стиркой бинтов, которые приносила из больницы. Перевязочного материала не хватало, приходилось его отстирывать от крови и гноя, чтобы использовать вновь и вновь.

– В доме уже не было воды, поэтому я собирала снег, оттаивала его в чугунке и замачивала в нем бинты, терла их до белизны, развешивала, просушивала и несла в больницу, – рассказывает блокадница.

Не попасть в полынью

Главный врач больницы (Тамаре он казался глубоким старичком, но кто знает, сколько лет было ему на самом деле?) переживал за молодёжь, как за своих детей. Именно он подсказал истощавшей девчонке, куда обратиться, чтобы выехать из Ленинграда по льду Ладожского озера. Ждать эвакуации пришлось несколько месяцев. Очередь до Тамара дошла только в апреле 1942 года. Сначала блокадников поездом доставили до Ладоги, там ослабшие люди погрузились в крытые брезентом машины и, стоя в кузове, плотно прижавшись друг к другу, сжимая в руках узелки с документами, отправились по весеннему насту в неведомое. Полуторки, по словам Тамары Петровны, еле ползли, чтобы не угодить в полынью и не уйти под воду. Дабы не привлекать внимание вражеской артиллерии, слабенький свет фар скрывали специальные козырьки.

Ладожское озеро не очень и велико. Но путь по нему показался вечностью. А потом были теплушки и не менее долгая дорога в Новосибирск. Самым роскошным яством стала для юной блокадницы жиденькая кашка на настоящем молоке, которой откармливали эвакуированных на одной из остановок. С этой полузабытой Богом станцией у Тамары связаны не только хорошие воспоминания о горячей еде. Здесь девушка обнаружила, что, пока она спала в вагоне, у неё вытащили и документы, и небольшие деньги. Расплакавшейся спутнице помогла более взрослая попутчица. За руку привела девчонку к начальнику станции, где ей справили эвакуационное удостоверение. С ним она и добралась до бабушки, а потом туда же приехала и её мама.

Тамара намеревалась возобновить работу в больнице, но по совету старших отправилась на военный завод, выпускавший гильзы для снарядов. Большим преимуществом оборонного производства были продуктовые карточки, по которым выдавали чуть больше продовольствия, чем рядовым горожанам. Вся страна, даже далёкие от фронта города, жила тогда, туго затянув пояс, и каждый грамм съестного значил немало. Особенно для тех, кто на заре жизни узнал, что такое неотвязный мучительный голод.

Сначала девушку поставили на пресс, но она не смогла справиться с непослушной тяжеленной его рукояткой. Тогда её перевели в водонапорный цех. В обязанности трудившихся здесь женщин входил непрерывный контроль за несколькими машинами, каждая из которых была оснащена тремя валиками. Нужно было следить за температурой валиков и регулировать её. Особенно тяжело приходилось под утро, когда глаза сами собой слипались от усталости. Тогда мастер – немолодой мужчина – тормошил своих подопечных и организовывал уборку.

Спасибо, что живая

– Знаете, что подразумевалось под уборкой? – интересуется Тамара Петровна и сама отвечает на свой вопрос. – У каждой из нас была штыковая, остро заточенная лопата. Мы добела скоблили ими деревянный пол вокруг машин, а потом веничками сметали мусор. Специальными тряпочками протирали машины. Эти тряпочки привозили нам с трикотажной фабрики. Они были такие хорошие, мягкие, ниточки из них можно было вытянуть прочные, яркие. Так мы с подружками в свободные минуты из них крючками вязали себе бюстгальтеры. Никаких других не было и в помине, а эти, самодельные, снимешь – вся грудь как вафельное полотенце, в отпечатках-ямочках.

Всё-таки девочки – такие девочки! Даже в самые тёмные времена юность берёт своё... После Победы Тамара вышла замуж, вслед за мужем перебралась на его родину в Казахстан, там супруги вырастили троих детей, подаривших им семерых внуков. Работала швеей и уже на старости лет переехала в Кыштым к одному из сыновей. Она не думала не гадала, что доживёт до ста лет. Многочисленная родня решила устроить маме, бабушке и прабабушке настоящий праздник. Её близкие мчатся, чтобы поздравить дорогого человека, из Находки, Казахстана, Югорска, Челябинска. Иначе и быть не может, ведь Тамара Петровна Якушева для них – пример мудрости, бескорыстной заботы о родных, скромности, настоящего всепобеждающего жизнелюбия, оптимизма, умения не отчаиваться в самых сложных ситуациях. Блокадница в свои без пяти минут сто лет ежедневно пешком ходит в комплексный центр защиты населения и обратно, здраво рассуждает обо всем происходящем, умеет пошутить и старается не привлекать к себе лишнего внимания. Даже на интервью она не соглашалась ни в какую. Еле уговорили! Спасибо за то, что все-таки не отказали, Тамара Петровна. Каждое ваше слово – это наша непростая, непарадная, близкая сердцу, болезненная история, которую с вашей помощью мы пытаемся беречь и хранить.

Будьте здоровы, дорогая Тамара Петровна. И живите дольше на радость близким и всем нам!